

*Е.А. Беседина,
Т.В. Буркова*

**«ГОРОД ДОЛЖЕН ГОВОРИТЬ...»:
МЕМОРИАЛЬНАЯ ДОСКА КАК ЗНАК
КОММЕМОРАЦИИ И КОММУНИКАЦИИ
В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Проблемы теории и практики коммеморации являются актуальным направлением развития общественных и гуманитарных наук. В рамках *memory studies* изучается культурно-исторический феномен мемориальных досок. Мемориальная доска как знак исторической памяти, служит своеобразным каналом коммуникации, через который город передает «послания» из прошлого, адресованные настоящему и будущим поколениям человечества. Маркируя городское социокультурное пространство, мемориальные доски образуют «места памяти», наделяя городскую среду специфическими культурными и семантическими смыслами.

Ключевые слова: коммеморация, мемориальная доска, историческая память, «места памяти», коммуникация, городское пространство.

Об авторах: Беседина Елена Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург. 197082 г. Санкт-Петербург, Богатырский проспект, 57-3-143. besedina70@mail.ru. Буркова Татьяна Вадимовна – кандидат исторических наук, доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург. 197082 г. Санкт-Петербург, ул. Красного Курсанта, 28-48. tat_burkova@mail.ru.

Актуальными проблемами развития общественных и гуманитарных наук последних десятилетий стали вопросы теории и практики коммеморации. В рамках направления *memory studies* находит свое место и изучение феномена мемориальных досок¹. Историческая память общества охраняется и транслируется при помощи различ-

¹ См.: Беседина Е.А., Буркова Т.В. 2013б, 45-67.

ных социокультурных механизмов и практик: «В то время как историки-профессионалы и другие представители интеллектуальной элиты выстраивают свои суждения о прошлом в соответствии с правилами науки, для большинства людей представления о днях минувших формируются в первую очередь под воздействием множества различных форм “коммеморации”»². Мемориалы, «в сочетании с устными и письменными источниками оказываются одним из действенных факторов формирования исторических представлений»³ в обществе.

Мемориальные доски наравне с архитектурно-скульптурными мемориальными сооружениями, памятными знаками, храмами, часовнями, некрополями, музеями, мемориальными комплексами представляют собой знаки намеренного увековечения памяти об исторических событиях, деятельности выдающихся людей. По наблюдению И.М. Савельевой и А.В. Полетаева, «исторические объекты, размещенные в пространстве <...>, а зачастую и само пространство, наделяются специфическими культурными смыслами, семиотиизируются», а «их смысл должен расшифровываться в рамках или устной, или письменной традиции»⁴.

Вследствие объективной «простоты» своей формы памятные доски являются одной из самых массовых практик коммеморации, под которыми в культурологии понимается «особый вид социокультурной деятельности, в основе которой лежит акт увековечения как попытка сохранения образа себя, своих близких, своей культуры в настоящем и в будущем»⁵. По мнению А.В. Святославского, область коммеморации в совокупности содержательного (кто, когда, кому и чему с какой целью ставил памятники, давал памятные наименования, вводил памятные даты и т. д.) и формального (какими сред-

² Зерубавель Я. 2011.

³ Савельева И.М., Полетаев А.М. 2005, 10.

⁴ Савельева И.М., Полетаев А.М. 2005, 10.

⁵ Святославский А.В. 2013, 5.

ствами пользовались при этом) аспектов может стать одним из наиболее адекватных показателей мировоззренческих особенностей той или иной культуры⁶. Следовательно, коммеморация, которая никогда не оставалась вне сферы внимания государства и общества, особое значение приобретает в условиях меняющегося политического и социально-экономического пространства, когда идеологические концепции и мировоззренческие установки приобретают огромное значение для поддержания стабильности социума.

Будучи своеобразными «маркерами» городского пространства, мемориальные доски представляют собой элементы историко-культурного наследия – сложной социокультурной системы, активно взаимодействующей со средой и несущей определенную, меняющуюся во времени и пространстве, информацию.

Пространство повседневной жизни структурировано образами памяти. В поисках ответа на вопрос, как функционирует историческая память, французский исследователь П. Нора, развивая идеи М. Хальбвакса, ввел в научный оборот термин «места памяти» (*les lieux de mémoire*)⁷. Именно в них и сосредоточена коммеморация, то есть все те многочисленные способы, с помощью которых в обществе закрепляется, сохраняется и передается память о прошлом. Место памяти – это символ присутствия прошлого не только в настоящем, но и в будущем. Обсуждая значимость и саму возможность создания и сохранения мест памяти, люди солидаризируются с той или иной частью местной и национальной истории. Место памяти П. Нора определял как последний след памяти, остающийся после исчезновения иных коммеморативных практик общества. Исследования «мест памяти» позволяют определить географию коммемора-

⁶ *Святославский А.В.* 2011, 4.

⁷ *Нора П.* 1999, 17.

тивной активности, точки ее концентрации, оценить коммеморативную плотность⁸.

Кроме того, по наблюдению британского историка Т. Джадта, существование мемориальных объектов в настоящее время приобретает дополнительный смысл. «До самого последнего времени <...> весь смысл музея, мемориальной доски или памятника состоял в том, чтобы напомнить людям о том, что они и без того знают сами (или думают, что знают). Сегодня, однако, все эти вещи служат другим целям. Музеи и памятники теперь создаются для того, чтобы рассказать людям о вещах, о которых они могут ничего не знать, совершенно забыли или вовсе никогда не слыхали. Все сильнее нас охватывает страх, что мы забудем свое прошлое, что оно исчезнет, затеряется в суете настоящего»⁹.

То, что еще вчера представляло собой настоящее, сегодня становится прошлым, историей, подлежащей забвению или воспоминанию. Неотъемлемыми характеристиками исторической памяти необходимо рассматривать ее актуальность и избирательность. Под этими свойствами понимается то, что «высвеченные» исторической памятью события во многом обуславливаются постоянно меняющимся настоящим, интересами текущего момента. Историки солидарны в том, что, по словам А. Мегилла, память является «образом прошлого, субъективно сконструированного в настоящем»¹⁰.

Для анализа коммеморативной деятельности государства и общества исследователи активно пользуются термином «политика памяти», которая «представляет собой целенаправленную деятельность по репрезентации определенного образа прошлого, востребованного в современном политическом контексте, посредством различных вербальных и визуальных средств»¹¹.

⁸ Дахин А.В. 2009.

⁹ Джадт Т. 2004, 54.

¹⁰ Мегилл А. 2007, 124.

¹¹ Аникин Д.А. 2012, 123.

В 2009 г. Международным историко-просветительским и правозащитным обществом «Мемориал» совместно с Региональной общественной организацией «Историко-просветительское, правозащитное и благотворительное общество „Московский Мемориал“», при поддержке немецкого фонда «Память. Ответственность. Будущее» (Erinnerung. Verantwortung. Zukunft), был запущен интернет-проект «Уроки истории. XX век». Созданный ресурс посвящен вопросам изучения и преподавания отечественной истории, ее отражению в культуре и СМИ, профессиональным и общественным дискуссиям о прошлом и настоящем¹². Обсуждение проблемы исторической памяти и коммеморации также находят свое отражение на страницах данного сайта в рамках проведения «Мониторинга исторической политики», призванного «проследить, какие силы в современной России оказывают влияние или претендуют на формирование коллективных представлений о прошлом, оценить репертуар их возможностей и средств, выявить, какие периоды и сюжеты востребованы сегодня, а также какой образ прошлого наиболее актуален в современном историческом российском контексте».

Мемориальные доски, «проговаривающие» некоторые сообщения о прошлом, стали одной из важнейших тем ежедневного мониторинга. Поскольку установка этих памятных знаков регламентируется законодательно, то тем самым «высказывание наделяется статусом конечного, объективного, верного высказывания о прошлом»¹³, что, однако, может вызвать несогласие общественности с предложенными формулировками. Это, в свою очередь, стимулирует развитие акционной активности, создание вокруг мемориальных досок «полей напряжения»¹⁴. Так, весной 2010 года в ответ на принятое городскими властями решение разместить мемориальную доску в память о первом секретаре ОК КПСС

¹² *Уроки истории. XX век.*

¹³ Черникова Ю. 2012.

¹⁴ Черникова Ю. 2012.

Ленинграда 1970-1983 гг. Г.В. Романов на фасаде дома, где он жил, петербургская интеллигенция выступила с открытым обращением к правительству города: «Мы, и поныне живущие в Петербурге, а также – те, кто вынужден был покинуть наш город, когда его возглавлял Григорий Романов, глубоко оскорблены решением об увековечении его памяти. Мы хорошо помним первого секретаря обкома КПСС Григория Романова – человека, душившего культуру, науку, искусство и свободу, ненавидевшего интеллигенцию, изгонявшего из города артистов, поэтов и художников, и сделавшего все, чтобы превратить Ленинград в “великий город с областной судьбой”. В память тех, кого уже нет в живых, – Ольги Берггольц, Дмитрия Лихачева, Иосифа Бродского, Аркадия Райкина, Георгия Товстоногова, Сергея Довлатова, – и от имени всех других, кого Романов подвергал унижительной травле, мы требуем немедленной отмены этого возмутительного постановления»¹⁵. В следующем 2011 году, 24 мая, в день рождения И. Бродского – поэта, главным гонителем которого, как считается, был Г.В. Романов, прошла своеобразная акция общественно-го протеста: «Это был не митинг и не пикет – на нем не было плакатов и лозунгов и звучали не речи, а только стихи. “Реки”, “Пилигримы”, “Одиссей Телемаку”, “Через два года”, “Конец прекрасной эпохи”, “Письма римскому другу” и другие стихотворения Иосифа Бродского... Молоденький старший лейтенант полиции, наблюдавший за акцией, в нее не вмешивался и с интересом слушал явно незнакомые строки»¹⁶.

Как правило, подобные «поля напряжения» возникают около памятных знаков, посвященных историческим личностям либо событиям, которые продолжают по-разному, порой диаметрально противоположно трактоваться, оцениваться социальной памятью. В этот ряд мож-

¹⁵ Цит. по: Обращение интеллигенции Санкт-Петербурга по поводу установки доски Г.В. Романову. 2010.

¹⁶ Вишневский Б. 2011.

но с полным основанием поставить адмирала А.В. Колчака – достаточно вспомнить, что вопросы установки ему памятников в Иркутске в 2004 г. и в Омске в 2012 г. бурно обсуждались горожанами и на страницах СМИ, и в ходе проводившихся соцопросов и общественных слушаний.

31 октября 2008 г. в Москве, во дворе часовни Николая Мирликийского Чудотворца, что на Садовнической улице, была установлена мемориальная доска А.В. Колчаку. Текст на ней гласил: «Выдающемуся исследователю-полярнику адмиралу Колчаку Александру Васильевичу – 1874 – 1920 – от благодарных потомков. 4 ноября 2008 года». В ночь на 6 ноября того же года она была разбита неизвестными. Этот акт вандализма, который, однако, следует рассматривать как проявление протеста против увековечивания памяти Верховного правителя России, вызвал бурное обсуждение в столице. Трудно не согласиться с мнением режиссера художественного фильма «Адмиралъ» А. Кравчука: «...тема Гражданской войны является больной темой для многих сограждан. Однако, как показал инцидент с мемориальной доской Колчака, некоторые люди до сих пор привыкли решать идеологические вопросы нецивилизованными варварскими методами»¹⁷.

Как и текст средств массовой информации, мемориальный текст способствует социализации человека, создавая и ретранслируя социокультурные стереотипы общества. «Мемориальные доски представляют собой краткую летопись истории страны, поэтому являются по своему функциональному назначению идеологически нагруженными памятниками архитектуры, которым всегда и во все времена придавалось особая функция идеологического воздействия»¹⁸.

Город – это организованное социокультурное пространство, имеющее свои каналы коммуникации для пере-

¹⁷ В Москве вандалы осквернили памятную доску А.В. Колчаку. 2008.

¹⁸ Быкова Е.В. 2012, 28.

дачи своеобразных «посланий», адресованных настоящему и будущим поколениям его жителей. Представляется, что потребность и готовность общества к восприятию такого вида коммуникации проявилась в связи с возросшим интересом людей к своему историческому прошлому и достижениями исторической науки. Город, по словам петербургского историка Г.А. Богуславского, должен «повествовать лаконично, емко, но впечатляюще и информативно. Говорить, напоминая и рассказывая о страницах далекого и недавнего прошлого, о замечательных событиях и людях. О традициях, о самом себе. Причем не только зримыми образами, но и напрямую – словом»¹⁹.

Мемориальные доски как культурно-исторический феномен и весь комплекс проблем, связанный с их существованием в социокультурном пространстве городов, становятся в последние годы актуальным объектом исследований культурологов, историков, филологов.

Одним из направлений изучения памятных досок является рассмотрение функций этих коммеморативных знаков. Таких функций можно выделить три: историко-мемориальную, художественно-эстетическую и, наконец, информационно-коммуникативную. Благодаря историко-мемориальной функции мемориальных досок, этих наглядных реплик истории, происходит «очеловечивание» истории, для наших современников создается возможность зримее вообразить ту или иную эпоху через содержание события или строку биографии исторического деятеля.

Художественно-эстетическая функция мемориальных досок как знаков коммеморации не просто подкрепляет или усиливает их историко-мемориальную функцию. Недаром исследователи отмечают, что, несмотря на сходство с текстом СМИ, мемориальный текст существенно отличается от него. Обладая способностью преодолевать актуальный исторический контекст, он становится фактом искусства²⁰. По мнению

¹⁹ Богуславский Г.А. 1982, 34.

²⁰ Быкова Е.В. 2012, 28.

архитектора Т.Н. Милорадович, автора более чем 100 мемориальных досок Петербурга, правилом поиска и использования в текстах досок шрифтов является следующее: шрифт должен передавать дух времени, о котором идет речь в тексте²¹. Мемориальные доски, самая массовая на сегодняшний день форма монументального искусства в городе²², имеют свои законы прочтения, выразительности, эмоционального воздействия на зрителя. «Листая» их одну за другой, зритель может явственно представить эволюцию стилей, характеризующих этот вид мемориального памятника, подмечая в них художественные особенности определенного периода развития русского искусства.

При этом стоит отметить, что на осуществление художественно-эстетической функции конкретной памятной доски может оказать серьезное влияние присутствие на фасаде того же дома другой, отличающейся по стилистике, доски, и уж тем более – коммерческой рекламы. Несомненно, при размещении на довольно ограниченном пространстве фасада здания мемориальной доски необходимо учитывать особенности не только архитектуры самого дома, но и стилистики тех памятных знаков, что уже находятся на его фасаде. В ином случае городское пространство может получить образец эклектики в худшем смысле этого понятия.

Так, представляется не очень удачным соседство на фасаде д.13/8 по Малой Морской улице Санкт-Петербурга трех мемориальных досок, каждая из которых по отдельности служит ярким образцом стилистики своего исторического периода. Первой – в 1894 г. – на фасаде дома появилась доска, посвященная П.И. Чайковскому и созданная Н.Л. Бенуа в стилистике, характерной для первых именных мемориальных досок Петербурга – текст на мраморной плите прямоугольной формы. Вполне сочетается с ней по лаконичности

²¹ Милорадович Т.Н. 2009.

²² Ефремова Н.Н. 1999, 15.

текста и художественного оформления мемориальная доска, запечатлевшая память о маршале Советского Союза В.К. Блюхере (автор – архитектор В.Д. Попов). Выполненная и установленная в 1966 году, она имеет все характерные художественные черты мемориальных досок того периода – тот же вытянутый вертикально прямоугольник, лаконичный текст, правда, дополненный эмблемой – пятиконечной красноармейской звездой. Отличает ее от доски 1894 г. и материал – гранит. Наконец, в 2011 г. на фасаде того же дома был открыт третий памятный знак – в честь великой русской балерины XX столетия Г.С. Улановой работы молодого петербургского скульптора П.П. Игнатьева. Он представляет собой овальной формы мраморную доску, в верхней части которой располагается текст, а в нижней – закреплены бронзовые балетные пуанты, ленты которых свиваются в очертания взлетающего лебедя и слегка перекрывают прожилки белого мрамора, в которых лишь намеком угадываются легкие очертания балерины в образе Лебедя. Не оспаривая творческого замысла П. Игнатьева, автора, кстати, еще одной очень интересной по своему художественному исполнению мемориальной доски Петербурга – посвященной знаменитому сказочнику Е. Шварцу, все-таки стоит признать, что как бы хороша ни была доска Г.С. Улановой, если брать ее отвлеченно, вне конкретного пространства Малой Морской улицы, на фасаде дома № 13 она выглядит несколько «чужеродно», дисгармонируя и по своей геометрической форме, и композиционно с мемориальными досками в память о П.И. Чайковском и В.К. Блюхере. Представляется, что в данном случае органичнее выглядела бы доска, созданная в классических формах, пусть и более «академическая», строгая, наподобие той, что с 2008 г. украшает высотный дом на Котельнической набережной в Москве.

Диаметрально противоположным примером могут служить мемориальные доски, размещенные на здании бывшего народного художественного училища,

открытого в 1919 г. в Витебске по инициативе Марка Шагала (ул. Суворова, д. 3, ныне детская художественная школа № 1 г. Витебска). На двух его фасадах размещены пять мемориальных досок, посвященных выпускникам этого учебного заведения, имена которых хорошо известны и за пределами Беларуси: народный художник СССР З. Азгур, народный художник БССР С. Селиханов, народный художник БССР А. Бембель, народный архитектор СССР В. Король, народный писатель Беларуси В. Быков. Созданные в 1979-2008 гг., эти памятные знаки, тем не менее, выполнены в одной манере – вертикально вытянутые, преимущественно прямоугольной формы бронзовые доски, на которых размещены текст, портретное изображение и – не в каждом случае – символы, позволяющие зрителю лучше представить характер и творчество запечатленного героя. Несомненно, сказывается авторство – три из пяти досок были созданы скульптором А. Гвоздиковым²³. Однако следует признать: знаки коммеморации на фасаде художественной школы, характеризующиеся стилистическим единством, служат своеобразной «портретной галереей», увековечившей на одной из главных улиц Витебска и имена выдающихся представителей искусства, а также тем средством коммуникации, которое доносит до нас информацию о культурных традициях этого древнего города.

Третья, информационно-коммуникативная, функция мемориальных досок как бы зиждется на первых двух функциях, «вырастает» из них. Ее осуществление становится возможным благодаря сочетанию присущих мемориальной доске вербальных и невербальных способов воздействия на человека. Рассматривая особенности этой функции мемориальных досок, филологи небезосновательно используют для характеристики текста доски понятие модуля, которое сегодня становится «своего рода концептом, символом эстетики технократического

²³ Мемориальные доски.

общества, своеобразной целостной формой представления знаний, формой мышления»²⁴. По словам Б.А. Успенского, модульные тексты могут при осуществлении коммуникативной функции установить с массовым зрителем «живую связь, прямо... безошибочно и заразительно передать ему свой рассказ»²⁵.

Говоря об информационно-коммуникативной функции мемориальных досок, следует иметь в виду, что эта функция обладает своеобразным «временным» потенциалом, который со сменой эпох может оказаться исчерпанным. Так, зачастую тексты мемориальных досок, установленных в Петербурге на рубеже XIX – XX вв., были слишком лаконичны: далеко не всегда в них содержались указания на заслуги «героя». Надпись включала лишь информацию об имени, датах рождения и кончины человека, не всегда – о местах его рождения и смерти и времени проживания именно по данному адресу.

Такой лаконизм можно объяснить тем, что деяния увековечиваемого человека в ту пору были так хорошо известны, что не требовали дополнительного объяснения. Как не вспомнить в данной связи об уникальной памятной доске, помещенной на фасаде дома 16 по Ковенскому переулку в 1913 г.: «Здесь жила и скончалась Анна Павловна Философова». Это первая мемориальная доска Петербурга, запечатлевшая память о женщине, к тому же лидере женского движения в России. Однако, к сожалению, спустя столетие после установки эта доска «молчит» для большинства зрителей. Кем была А.П. Философова, когда она жила – эти знания имеет только весьма ограниченный круг специалистов. Требуется, вероятно, учитывать эту особенность информационно-коммуникативной функции мемориальных досок при составлении их текстовых модулей или использовать возможности других знаков и практик коммеморации.

Социокультурное пространство города может хранить примеры аутентичного текста, которые, в со-

²⁴ Быкова Е.В. 2011, 38.

²⁵ Успенский Б.А. 2007, 293.

четании с более поздними коммеморативными знаками позволяют преодолеть время и, тем самым, изменить модус (способ существования) события. Рассмотрим это на конкретном примере. Любой человек, проходящий мимо дома № 14 по Невскому проспекту Петербурга, не может не заметить нанесенный синей краской на стену строгий прямоугольник с надписью белыми буквами «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна».

При создании этого текста в годы блокады его коммуникативная функция заключалась в предупреждении горожан о возможной опасности: в настоящее время во время обстрела передвигаться по этой стороне улицы опасно для жизни.

Изменил смысловую и коммуникативную структуру данного текста мраморный мемориальный знак, установленный в 1962 г.: «В память о героизме и мужестве ленинградцев в дни 900-дневной блокады города сохранена эта надпись», тем самым задав ему иное временное значение – прошедшее историческое.

После Великой Отечественной войны данная аутентичная надпись приобрела значение мемориала. Благодаря более позднему сопутствующему информативному блоку, референтной исторической ситуации и внеречевому контексту (знанию исторической ситуации), нашим современником такая надпись декодируется так: «Во время войны при артобстреле на этом месте гибли люди»²⁶. По наблюдению петербургского филолога Е.В. Быковой, обращение «граждане» в этом контексте приобретает дополнительные высокие коннотации: «граждане своей страны, выдержавшие выпавшие на их долю тяжелейшие испытания», а директивная модальность получает иное смысловое наполнение: «Если ты гражданин, ты должен знать и помнить историю своей страны»²⁷.

²⁶ Подробнее: *Быкова Е.В.* 2011а, 135.

²⁷ *Быкова Е.В.* 2011а, 135.

В данном случае коммеморативная и коммуника- тивная функции памятного знака способствуют форми- рованию для социума своеобразного «поля притяже- ния». Мемориальная доска, размещенная на доме № 14 по Невскому проспекту, по-прежнему остается главным символом непобедимости Ленинграда, к которому, как и к мемориальному Пискаревскому кладбищу, в памятные для города дни идут тысячи горожан²⁸.

Событийные и именные мемориальные доски как знаки коммеморации содержат в себе многие информа- ционные слои, которые адресуются нашим современни- кам посредством различных смысловых систем и могут быть сравнимы с известными каждому историку «куль- турными слоями».

В конце 1980-х гг., после обращения, поступивше- го в ЦК КПСС на имя генерального секретаря партии М.С. Горбачева и написанного Д.С. Купцовым, возглав- лявшим Тюменский горком ВКП(б) в 1940 – 1943 гг. (стоит отметить, что письмо Д.С. Купцова было не единственным и не первым обращением руководителей Тюменской области в ЦК партии с просьбой об установ- лении такого памятного знака), на главном фасаде зда- ния Тюменской сельскохозяйственной академии была установлена мемориальная доска – очень скромная по сравнению с другими мемориальными досками, укра- шающими здание и рассказывающими о том, что в нем в разные годы учились знаменитый советский дипломат Л.Б. Красин, известный всем с детства автор рассказов о природе М.М. Пришвин, легендарный Пауль Зиберт – Н.И. Кузнецов, преподавал сибирский исследователь и педагог И.Я. Словцов. Лаконичный текст на сером гра- ните гласит:

В этом здании
с июля 1941 г. по март 1945 г.
сохранялось тело
В.И. Ленина

²⁸ Беседина Е.А., Буркова Т.В. 2013б, 62.

Попробуем выделить, «снять» информационные слои, которые содержит рассматриваемый памятник.

Первый слой – самый простой, поверхностный, передает информацию о значительном событии в истории одного из красивейших исторических зданий Тюмени – сохранении здесь тела В.И. Ленина.

Второй слой заставляет вспомнить о Великой Отечественной войне и проводившейся в начальный ее период эвакуации. Об этом свидетельствуют даты, особенно дата «июль 1941 г.». Совершенно точно известно, что груз чрезвычайной секретности, прибывший 10 июля в Тюмень и разместившийся в одной из аудиторий второго этажа тогдашнего сельхозтехникума, стал первым из эвакуированных за годы войны в этот сибирский город особенно ценных и народнохозяйственных объектов²⁹.

Третий слой говорит человеку начала XXI века о значимости для отечественной истории как самой личности В.И. Ленина, так, в силу этого, и сохранения, несмотря на все опасности военного времени, его тела. Вот почему саркофаг был вывезен из Москвы уже в начале июля 1941 года³⁰, а возвращен в столицу лишь в самом конце войны – в марте 1945-го. Наконец, о том же самом мы можем сделать вывод и исходя из более крупного шрифта, каким выделено имя вождя мирового пролетариата.

Доска лишена каких-либо иконических знаков (портретного изображения В.И. Ленина, государственной советской или мемориальной символики), на первый взгляд она выполняет свою коммуникативную функцию лишь с помощью вербальных элементов, слов, однако это не так. Четвертый информационный слой, представленный в описываемой доске, – это ее общий вид и тип шрифта. Небольшой объем доски, ее простая гранитная поверхность, шрифт, соответствующий графическому стилю конструктивизма, – все эти невербальные элемен-

²⁹ *Иваненко А.С.* 2008, 302.

³⁰ *Максимова Т.*

ты относят нас к эпохе 1920 – 1940-х гг., создают визуальный образ тех суровых лет.

Специфическая организация текста на плоскости мемориальной доски, отражая тяготение к визуализации информационного потока, формирует многослойность восприятия смысла сообщения, побуждая его получателя «к творческому процессу его понимания... интерпретации»³¹.

В Санкт-Петербурге в декабре 2005 г. на ул. Маяковского (бывшая Надеждинская), дом 11, была открыта мемориальная доска (арх. В. Бухаев), посвященная писателю Даниилу Хармсу (Ювачеву). Таким образом город отметил 100-летний юбилей знаменитого писателя, интерес к творчеству которого с годами только усиливается. А Хармс-фестивали были приметными событиями культурной жизни Петербурга в 1990-е гг. Один из самых парадоксальных и загадочных российских писателей XX века, Д. Хармс обрел мемориальный адрес в городе, где прошла его короткая и яркая жизнь. По данному адресу поэт постоянно проживал почти пятнадцать лет – с конца 1925 г. и до ареста 23 августа 1941 г.

Гранитный памятный знак, посвященный Д. Хармсу, представляет собой пример сочетания различных знаковых систем, воздействующих на потребителя информации. По мнению Е.В. Быковой, в подобного типа текстах «участвует целый ансамбль различных знаковых систем, интегрирующий вербальные, иконические (невербальные), чувственные (кинестетические), проксемические (ориентация во времени и пространстве) коды». Рассматривая мемориальную доску, зритель имеет возможность постепенно декодировать содержащуюся в ней информацию, шаг за шагом снимая и анализируя информационные слои, оказаться вовлеченным в коммуникативный процесс. На мемориальной доске выбит текст, сообщающий зрителю о том, что «здесь жил с 1925 г. по 1941 г. писатель Даниил Хармс». Знатоки биографии Д. Хармса прекрасно знают, что в августе

³¹ Быкова Е.В. 2011 [5], 38.

1941 г. он был арестован за «распространение клеветнических и пораженческих настроений», а в феврале 1942 г. скончался в психиатрическом отделении тюремной больницы в «Крестах». Таким образом, указание даты «1941 г.» содержит дополнительный трагический смысл. Кроме того, на доске выбита строчка из произведения писателя «Из дома вышел человек...», как бы написанная от руки, что еще в большей степени усиливает драматизм восприятия знака. По легенде считается, что именно так можно описать историю ареста Хармса — он ненадолго спустился из квартиры на улицу в домашней одежде и тапочках и больше не вернулся. А если вспомнить все стихотворение, написанное в 1937 г., становится понятно, что оно отражает одну из драматических страниц жизни советского общества того времени. Мемориальная доска содержит и барельеф, изображающий писателя таким, каким он был запечатлен на одной из известных фотографий «в нелепой шляпе». Восприятие текстовой информации смыкается с фоновыми знаниями по отечественной истории, в которой конец 1930-х — начало 1940-х гг. отмечены как трагические годы массовых репрессий, и Д. Хармс стал одной из их жертв. Комплексное восприятие информации затрагивает и эмоциональную сферу зрителя, заставляя пережить его гамму чувств от скорби до негодования.

Дух абсурдистских историй самого Хармса, казалось, присутствовал в самих событиях, связанных с открытием доски и известным многим горожанам. Еще летом 2005 г., во время Хармс-фестиваля, привезенную на ул. Маяковского на темной «Газели», похожей на автомобиль бюро ритуальных услуг, доску продемонстрировали участникам фестиваля. Но затем ее вновь убрали, чтобы открыть к юбилею героя. Мемориальную доску, посвященную автору знаменитой «Старухи», безусловно, можно считать одним из удачных знаков коммеморации, находящихся в социокультурном пространстве Петербурга³².

³² Мемориальная доска на доме Хармса. 2005.

Коммеморативные практики являют и противоположные примеры. К числу не совсем «понятных» коммеморативных знаков можно отнести аннотационную доску, размещенную в Москве на проспекте Академика Сахарова:

Проспект Академика Сахарова
назван в 1990 году в честь
Лауреата Нобелевской премии
Андрея Дмитриевича САХАРОВА
1921 – 1989

В годы Великой Отечественной войны
внёс значительный вклад
в создание новых видов вооружения

Содержание доски, появившейся в 2010 г., призвано объяснить, в честь кого и за какие заслуги в 1990 г., через год после смерти выдающегося ученого и правозащитника, Новокировский проспект столицы был переименован в проспект Академика Сахарова.

Фоновые исторические знания, присущие людям старшего и среднего поколений, позволяют ответить на эти вопросы, даже не задумываясь над текстовым блоком мемориальной доски. Другое дело – представители молодых поколений, не помнящие и не знающие перипетии исторических реалий второй половины прошлого века, и, тем более, наши потомки. Скорее всего, коммеморативная функция описываемой доски сыграет с ними злую шутку, поскольку представленная информация создает больше вопросов, нежели отвечает на них, или же не совсем достоверна.

Так, в качестве заслуг Андрея Дмитриевича Сахарова отмечается то, что он был лауреатом Нобелевской премии, однако при этом нет указания на номинацию той премии, а это последнее обстоятельство чрезвычайно важно для понимания роли А.Д. Сахарова в жизни нашего общества. Вызывает некоторое недоумение и еще один факт, выбранный создателями доски для представления личности ученого. О его научных достижениях сообщается лишь

то, что он «внёс значительный вклад в создание новых видов вооружения». А.Д. Сахаров окончил физический факультет Московского университета в 1942 г. и был направлен на военный завод г. Ульяновска, где и сделал свое первое изобретение – прибор для контроля закалки бронебойных сердечников. Однако эти заслуги А.Д. Сахарова стали только началом его блестящей научной карьеры – работа молодого ученого в группе И.Е. Тамма, расцвет его научной карьеры начинаются уже после войны, когда Сахаров вернулся в Москву.

В результате человек, взаимодействующий с текстовым блоком данной аннотационной доски и не имеющий достаточных фоновых знаний, не сможет получить информацию, адекватно отражающую вклад академика А.Д. Сахарова как в науку, так и в правозащитное движение в СССР.

Досадные «курьезы», связанные с установкой знаков коммеморации, не обошли стороной и культурную столицу России. В самом центре Петербурга, на Каменноостровском проспекте Петроградской стороны, на фасаде дома 11а, построенного еще в 1886 году в кирпичном стиле для заводоуправления завода Лангензипена, размещена мемориальная доска следующего содержания:

В этомъ зданіи
находилась первая
электрическая лабораторія
основанная М.В. Ломоносовымъ
по указу Императора
Петра I

Сначала, кажется, что это еще один замечательный памятный знак, повествующий и о начале российской науки, и о деятельности «первого нашего университета» М.В. Ломоносова, и об одной из важнейших сторон государственной деятельности Петра Великого. Однако эйфория проходит слишком быстро у любого человека, мало-

мальски знакомого с историей России и Петербурга. Ошибки и фальшивка видны здесь слишком явственно.

Изучим текст этого «памятного» знака. В здании, построенном во второй половине XIX столетия, никак не могла находиться лаборатория М.В. Ломоносова, годы жизни которого, как известно, 1711 – 1765. Кстати, это не единственное объяснение читаемой на доске ошибки. Известно, что к середине XVIII столетия Петербургская Академия наук уже переехала на Васильевский остров, здесь же, на 2-й линии, в доме, принадлежавшем Академии, жил и работал М.В. Ломоносов. Рядом с домом ученого находилась и первая в России научная лаборатория – кстати, называвшаяся не «электрической», а химической. Кроме того, знаменитый указ Петра I о создании Академии появился в конце января 1724 года, когда юному Михайле Ломоносову не минуло еще и 13 лет. Поэтому весьма странно выглядит помещенный на доске, вероятно для большей убедительности, рельеф, изображающий царя Петра и М. Ломоносова, причем по виду совсем не 13-летнего отрока. Мы уже не говорим о том, что элементы композиционного решения этого изображения очень напоминают хорошо знакомое всем полотно Н.Н. Ге «Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе».

Кстати, поскольку мы перешли к анализу невербальных элементов воздействия рассматриваемого знака коммеморации доски на зрителя, то отметим еще одну несуразность: хоть авторы этого «шедевра» и весьма правильно передали особенности дореволюционного письма, но во второй половине XIX – начале XX века подобные мемориальные доски Петербурга не делались из металла – они были исключительно мраморными, да и сложные иконические фрагменты, включенные в их композицию, – особенность более позднего времени.

Остается только гадать, каким образом эта доска оказалась на фасаде дома 11А по Каменноостровскому проспекту и как происходило согласование по ее установке в соответствующих властных структурах Петербурга.

Таким образом, присутствие мемориальных досок в социокультурном пространстве выражает сложную структуру исторической памяти. Однако подчас наслоение множества смыслов и информационных фонов вольно или невольно формирует искаженное представление об историческом прошлом, задают неверную кодировку различных знаковых систем.

Современный этап развития исследуемой формы коммеморации отличается достаточно высокой степенью активности. Это связано с расширением поля исторической памяти, что подразумевает появление огромного количества новых (точнее, хорошо забытых старых!) событий и имен, справедливо ждущих своего увековечивания, и с возрождающейся традицией инициативы общественных организаций, фондов, наконец, просто активистов и энтузиастов.

Изменения в политике памяти последних десятилетий в нашей стране, введение в официальный дискурс фигур, прежде отвергавшихся по идеологическим и политическим причинам, нашло отражение и в практике коммеморации, в том числе в установке мемориальных досок. В качестве такого примера можно привести серию памятных знаков, посвященных П.А. Столыпину.

Кроме того, в последнее время коммеморативная практика дает примеры увековечивания имен героев, отношение к которым в обществе еще не является устоявшимся и определенным. Так, в январе 2014 г. в Ростове-на-Дону состоялось торжественное открытие мемориальной доски, размещенной на здании Ростовского государственного медицинского университета, посвященной генералу М.Г. Дроздовскому (скульптор Д.В. Лындин). Участник Первой мировой войны, один из лидеров Белого движения в Гражданскую войну он скончался от ран в январе 1919 г. в военном госпитале, прежде располагавшемся в этом здании³³. Открытие доски сопровождалось

³³ В Ростове-на-Дону открыли мемориальную доску генералу М.Г. Дроздовскому. 2014.

церемонией, в проведении которой участвовали представители и органов власти, и общественных организаций, позиционирующих себя как наследники императорской России, получившие возможность заявить о себе в социокультурном пространстве города.

Практику активного использования мемориальных досок как знаков исторической памяти необходимо продолжать. Прежде всего, эта форма коммеморации и коммуникации зачастую является первой и простейшей формой закрепления исторической памяти, за которой следуют другие. Например, сначала в городе появляются мемориальные доски, затем открываются музеи. Так было с последней квартирой А.С. Пушкина: мемориальная доска появилась в 1880 г., создание мемориального музея-квартиры началось в 1924-м. Подобный ход событий наблюдался и в других случаях.

Во-вторых, установка мемориальных досок помогает снять напряженность в социальных или национальных отношениях, способствует воспитанию толерантности, что очень актуально в современной городской культуре, и не только России. В 1990-х гг. в Петербурге были открыты доски в память о пребывании на берегах Невы Дени Дидро (1991 г.), Отто фон Бисмарка (1998 г.). В 2000-х гг. эта практика была продолжена: появились доски, посвященные первому постоянному посланнику Кореи в России принцу Ли Бом Джину и знаменитому литовскому музыканту и художнику М.К. Чюрлёнису (обе – 2002 г.), первому посланнику США в России, а затем 6-му президенту Соединенных Штатов Дж. К. Адамсу (2004 г.), князю П.И. Багратиону (2008 г.) и др.

В 1996 г. на одной из боковых аллей Пискаревского мемориального кладбища по инициативе общественного фонда «Пискаревский мемориал» началось создание Аллеи Памяти. Первой на ней появилась мемориальная плита в память о погибших в блокадном Ленинграде белорусских детях. Эта инициатива послужила импульсом для установки на Аллее Памяти памятных знаков от российских регионов (например, Татарстан,

Бурятия, Мордовия, Дагестан, Осетия, Карелия, Чечня), стран СНГ (Украина, Узбекистан, Казахстан), стран ближнего зарубежья (Польша).

Наконец, историей становится каждый прожитый день. Наше время в не меньшей степени, чем прошлые периоды российской истории, дает возможность маркировать социокультурное пространство города памятными знаками в честь многих исторических событий и выдающихся соотечественников. Несомненно, мемориальные доски, появляющиеся в российских городах сегодня, позволяют современными вербальными и визуальными средствами определить и сохранить для потомков новые места памяти, служат одним из важнейших средств коммуникации между нынешним российским обществом и нашими наследниками – будущими поколениями граждан России.

Список сокращений

ВВАГС – Волго-Вятская академия государственной службы
РГПУ – Российский государственный педагогический университет

Литература

Аникин Д.А. 2012: Стратегии трансформации политики памяти в современной России: региональный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Филология, 3 (18), 121-126.

Беседина Е.А., Буркова Т.В. 2013а: «В этом здании жил и работал...»: мемориальные доски как образ исторической памяти // Искусство и зритель: Сб. статей / А.А. Дмитриева, А.С. Ярмош (отв.ред) / Труды исторического факультета СПбГУ. СПб., 45-67.

Беседина Е.А., Буркова Т.В. 2013б: Мемориальная доска как знак исторической памяти // Сохранение историко-культурного наследия – будущее Санкт-Петербурга: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. 18 апреля 2013 года. СПб., 61-63.

Богуславский Г.А. 1982: Город должен говорить // Ленинградская панорама. 11, 34-35.

Быкова Е.В. 2011а: Модульный мемориальный текст как монументальная пропаганда // Известия РГПУ имени А.И. Герцена. Вып. 131. 131-137.

Быкова Е.В. 2011б: Фреймовый подход к интерпретации смысла модульных текстов в массовой коммуникации // Известия Финансово-экономического университета. 5, 37-41.

Быкова Е.В. 2012: Модульный текст в массовой коммуникации: закономерности речевой организации. Автореф. дис... д-ра филол. наук. СПб.

В Ростове-на-Дону открыли мемориальную доску генералу М.Г. Дроздовскому. 2014. // Дроздовцы. Дроздовское объединение в России и Русском зарубежье // URL: <http://www.drozdovtsy.ru/?p=717> (10.03.2014).

Вишневский Б. 2011: Бродским ударили по Романову // Новая газета, 26 мая.

Дахин А.В. 2009: Исследования социально-исторической памяти: философия, история, социология // Вестник ВВАГС.1, URL: http://ranhigs-nn.ru/nauka/wp-content/uploads/2012/06/socIstorPamyat1_09.pdf (12.10.2013).

Джадт Т. 2004: «Места памяти» Пьера нора: Чьи места? Чья память? // Ab Imperio, 1, 44-71.

Ефремова Н.Н. 1999: Мемориальные доски Санкт-Петербурга // Мемориальные доски Санкт-Петербурга: Справочник / Сост. В.Г. Тимофеев, Э.Н. Порецкина, Н.Н. Ефимова. СПб.

Зерубавель Я. 2011: Динамика коллективной памяти // Империя и нация в зеркале исторической памяти. Сб. статей. / И. Герасимов, М. Могильнер, М. Семенов (ред.) М. // URL: <http://lib.rus.ec/b/429779> (04.03.2014).

Иваненко А.С. 2008: Новые прогулки по Тюмени. Тюмень.

Максимова Т. 20 лет с телом Ленина // Российский иллюстрированный журнал Родина URL: http://www.istrodina.com/rodina_articul.php3?id=1934&n=100. (01.11. 2013).

Мегилл А. 2007: Историческая эпистемология. М.

Мемориальная доска на доме Хармса. 2005 // Фонд Д.С. Лихачева. URL: <http://www.lfond.spb.ru/chronicle/133> (14.10.2013)

Мемориальные доски // Витебская энциклопедия. URL: http://www.evitebsk.com/wiki/Мемориальные_доски (27.02.2014).

Милорадович Т.Н. 2009: «Искусство выше личных симпатий...» // Вечерний Петербург, 4 декабря.

- Нора П.* 1999. Проблематика мест памяти. Франция – память. СПб. *Обращение интеллигенции Санкт-Петербурга по поводу установки доски Г.В. Романову.* 2010: // Cogita!ru. Общественные новости Северо-Запада. 11 мая 2010 года // URL: <http://www.cogita.ru/pamyat/istoricheskaya-politika/obraschenie-intelligencii-sankt-peterburga-po-povodu-ustanovki-doski-g.v.-romanovu> (14.10.2013).
- Савельева И.М., Полетаев А.В.* 2005: Социальные представления о прошлом: источники и репрезентации. М.
- Святославский А.В.* 2011: Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры. Автореф. дис... д-ра культурологии. М.
- Святославский А.В.* 2013: История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. М.
- Успенский Б.А.* 2007: Ego Loquens: Язык и коммуникативное пространство. М.
- Черникова Ю.* 2012: Редакционная историческая политика: мемориальные доски как продукт «войн правок»: доклад на non/fiction-2011 // Уроки истории. XX век. URL: <http://www.urokiistorii.ru/2935> (10.10.2013).